

Путь к живописцу

Неиссякаемый источник света с человеком, он в нашем Я. Откуда Он? Мы не знаем, но ведёт Он, и подчиняемся мы Ему с радостью, какой бы ни был труд впереди.

И рассыпается свет цветом, предстаёт многообразием красок, и вот есть люди, для которых сам свет и является языком общения...

сила становится земною, когда, подобно фонтану, по удачной метафоре Бергсона, уставшие струи, наконец, падают ниц, орошая землю: кому может дать спасительную влагу живописец?

Чем сильнее бьёт фонтан, тем больше площадь орошения; чем сильнее одарён человек, тем больше, в конечном счёте, его влияние на остальных... Но кто скажет нам, у кого какое Место?

Тяжёлая поступь Советского государства оставила свой след в душе у каждого его гражданина, тем более творческого. Но парадоксальным же является советское искусство! Воспевая человека труда, оно (в частности, в живописи) фактически следует традициям критического реализма XIX века: «вроде бы» в картине «Волжанки» – незамысловатый сюжет передачи умения плести (в данном случае штопать) рыбацкую сеть, но в этой работе 70-х годов (времени развитого социализма),

по сути, всё так же архаично, как и в том веке, в XIX! На берегу Волги немолодая женщина учит молодую, в руках – сеть с поплавками, за спиной тяжёлый рыбацкий катер, водная свежесть...

В обыденных действиях живописец нам сохраняет потрясающую правду строительства нового общества: «всё» держится на народном умении, на ручном труде, на самых обычных людях, у которых (в данном случае) на лицах читается непрдуманная судьба. А где научно-технический прогресс? Где производственные мощности?

Не сработала идеология в изображении волжанок. На этом старом рыбацком «корабле» план не выполнишь. И у Мишовой идеология нормальных человеческих отношений органично «пересиливает» навязываемую, как, наверное, у большинства настоящих живописцев.

Ведь самое большое богатство – человек, а он, как напоминает мудрец, укоренён в вечности.

Смелое искусство – живопись! Смелое потому, что живописцы – рабы цветовых переходов, они живут ими. Живописцы живут в этом световом потоке, в этой цветовой гамме, и уже – на всю жизнь. А свет – проникает дальше: вся глубина космоса является нам только благодаря световой информации. Как муравьи, живописцы исследуют потоки света. И даже законы композиции, эти скрытые «пифагоровы» Числа, – вторичны: от ума они, от «интеллекта», а краски – из глубины души.

Настоящие художники – люди, преданные живописи: выстраивается у них судьба, затрагивая семьи, ландшафты, привычки. И всё во времени, и всё – вне праздных разговоров, и всё – навсегда.

Внеземная сила – свет – с человеком, переполнен ею живописец, но эта

Автопортрет. 2002

Женщина в красном. 1975

Волжанки. 1990

И тогда (в веке XIX или ином) то же небо, тот же цвет воды, и тот же ежедневный тяжёлый труд...

Но дорого же стоит работа художника! Годами он возвращается к одному и тому же сюжету, проглядывающая в нём (и прописывая!) глубину. А кто же третий на картине? И о чём задумалась эта молодая девушка? Это свидетель, это автор: и в картине возникает классическая триада, в картине возникает равновесие, в картину проникает, действительно, свидетель Времени.

...залита работа светом, застывают мгновения...

«Петергоф. Финский залив»

А свет внутри вдруг выплёскивается, нет, мгновенно заполняет огромное небо над гранитными валунами, над Финским заливом, и уже наполняет (поднимает!) зрителя, и балтийская свободная прохлада «наполняет» тебя

полностью, и ты забываешь, где находишься... В Петергофе? Работа написана в 2006 году, внутренний свет живописца – не истрачен.

Может ли свет сам по себе иссякнуть?

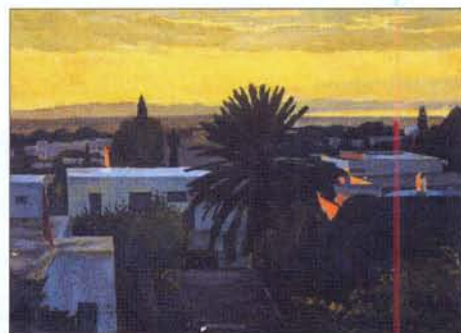
...и отчего мы так привязаны к родине своей? Не оттого ли, что именно этот странный свет рождает в глубине нашей щемящее (требующее повторения!) чувство... чего? – не ясно, но это неясное чувство, смутно припоминаемое, неудержимо требует повторения...

Свет нам родина!

«Хлеб»

Перед нами – попытка средствами композиции (и живописи) изобразить один из самых сильных жизнеутверждающих символов.

Детские впечатления (конечно!) от посещения хлебозавода всё же вынудили вернуться к ним: на картине,

По библейским местам. 2012

Последний луч. Тунис. 1985

Восход на горе Синай. 2011

Перед взлётом. 1991

Хлеб. 2007

собственно, изображена только расфасовка хлебных кирпичиков в деревянные лотки (уж на хлебозаводе-то всё должно быть механизировано!). Мы видим всю ту же троицу (работников); как и положено, в белых халатах, и они причастны к выпуску продукции... К сожалению! Только причастны, так как мы не видим психологии (а как её изобразить?). Это замечательно, что композиционно «проблема» решена, но почему они статисты?

Кисеобразный сноп света пытается ворваться в «служебное» помещение, но робко! Пышущие светом хлебные «буханочки» автономно отвечают робкой природе, но где им, когда свет дозирован отсутствием архитектурной функциональности «служебного» помещения хлебозавода!

Какого света здесь не хватает?!

Эта работа могла стать шедевром, но даже и в настоящей работе (в подобных производственных условиях!) выпечка хлеба (и даже его расфасовка!) буквально испускает полный спектр самых аппетитных запахов: именно этот запах и «чувствуется» рядом с картиной!

А это успех работы.

Это успех, потому что, действительно, «хлеб – всему голова». Запах свежиспечённого хлеба преследует тебя, и ты становишься соавтором картины. Может быть, великие работы и потому великие, что они вызывают отклик у невообразимо большого количества людей (чем сильнее бьёт фонтан, тем больше площадь орошения!).

Напряжение на смысловые решения читается при анализе каждой работы живописца Галины Ивановны Мишовой.

«Возьмём» тему покоя, т.е. глубокого согласия человеческого достоинства (и предназначения) с другими людьми и природой – тема неизбежная для человека.

Мировая живопись и литература нам предоставляют на этот счёт немало имён и работ. Пластовская «Прислониха» совсем не случайна: островок нормальных (!) человеческих отношений, родные берёзы (или «пушистые» вёглы-ивы по берегам ульяновской речки Барышки), наврное, есть у каждого человека.

Галина Ивановна также имеет свою точку опоры на Земле (картина «Весна. Посадка картофеля»), откуда и небо другое, и прохлада – текущая свежесть в обрамлении непридуманной природы... И дышится полной грудью! И мир воспринимается через понятный и неизбежно тяжёлый труд иначе!

Что человеку надо?...

И как хорошо, что человек умеет это изобразить!

И такая «точка опоры», конечно, явственнее читается весной.

«Пирамида Джоссера», «Из глубины веков» и другие работы египетского цикла.

Египет действительно сохраняет древний «срез цивилизации» (слова Г.И. Мишовой). Время среди пирамид, песка и солнца течёт иначе, оно «композиционно» застыло, а может быть, и «живописно». Какое же цветовое соотношение неба и земли было тогда? Наверное, такое же.

Музей под открытым небом подавляет человека несопоставимостью масштабов его жизни и истории человечества. Время вообще загадочно. И чтобы почувствовать Его, видимо,

нужны (в особенности для художника) поездки в «исторические места», ибо художник приобретает другие глаза. Мудрые? Но под прессом такого противопоставления времён чувствуется и собственное предназначение!

...и тогда раскрывается изначально неуничтожимая импрессионистская достоверность: весь «средиземноморской» цикл, будь то Египет, будь то Иерусалим или Тунис, несёт явную печать возвращённого света.

Не за этим ли светом идут двое старцев («По библейским местам», 2012)?

Да и был Он! Посмотрите на этюд «Женщина в красном» (1975), посмотрите на автопортрет с зонтиком (о котором известный ульяновский художник при мне сказал, что нет в нём «похожести»)! Но горит же свет, останавливает вас!

...я знал, что живопись из всех искусств наиболее смелая (дерзкая), а Галина Ивановна приглушила свою палитру, свои дерзкие краски.

Осталась мысль, и она заставила меня внимательно смотреть на живопись Г.И. Мишовой.

Свет – творец мира, творец самого человека. Свет, и более – никто.

Конечно, труд любого человека нельзя освещать с одной «точки» зрения, будь то философия света.

Тема войны – особая: свет там подчёркивает трагедию человека. Ну, как вот принять для себя молчаливое приготовление к вылету ночных лётчиц, где несовместимо всё – и женщины-лётчицы, и бомбы с надписью «За Кубань», и сам свет: Он притих.

Анатолий Марасов